

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

А.Л. АНДРЕЕВ

Российский социум как “другая” Европа*

В статье, основанной на результатах многолетних социологических исследований, раскрываются устойчивые черты российского менталитета. Проводится сопоставление ментальных характеристик российского социума с социокультурными особенностями некоторых других обществ. В этом контексте рассматривается влияние ментальных характеристик на выбор пути модернизации.

Ключевые слова: национальный менталитет, системы ценностей, модели демократии, гражданское общество, инновационное развитие.

In this article, based on the results of longitude sociological investigations, the basic constants of Russian mentality are brought to light. This is done in comparison with basic sociocultural characteristics of some other societies. In this context the author inspects the influence of national mentality on the choice of the way in which modernization is carried out.

Keywords: national mentality, systems of values, models of democracy, civil society, innovative development.

В процессе модернизации Россия приобретала облик европейской страны, сближаясь с остальной Европой и по образу жизни. В XVII в. его понемногу воспринимали отдельные высокопоставленные сановники, такие как глава Посольского приказа боярин А. Ордин-Нащокин, женатый на шотландке. В XVIII столетии европейский стиль жизни преобладал среди дворянства, а в XIX – распространился и на буржуазные слои, государственных служащих, интеллигенцию. Образованные русские люди стремились стать европейцами по культуре. Урбанизация и массовое образование советской эпохи завершили этот процесс, включив в него практически все население.

Хотя об СССР и советском опыте в этом плане написано немало и все относящиеся к данной теме факты, казалось бы, изучены, тем не менее реальные социальные, социокультурные и социально-психологические черты советского общества окутаны множеством мифов и тенденциозных описаний – как откровенно враждебных, так и апологетических.

* Статья написана в рамках Федеральной целевой программы “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” (проект № НК-582П) на основе главы для четырехтомного коллективного труда “Россия и Европа”, подготавливаемого к печати Институтом демократии и сотрудничества в Париже.

Если поверить талантливому фильму французского режиссера Р. Вернье “Восток–Запад” (1999 г.), а заодно и многим другим выдержанным в том же смысловом ключе произведениями кинематографа, театра, литературы, можно подумать, что все советские граждане, не бывшие “агентами тоталитаризма” и сохранившие в себе хоть каплю человечности, должны были страстно желать оказаться на Западе. В настоящее время никаких препятствий к выезду из России нет, но только сами европейцы, столкнувшиеся с новой русской эмиграцией на опыте, теперь вряд ли верят в то, что воспользоваться этой возможностью стремились и стремятся “самые лучшие люди”. Исходя из расхожих клише об “империи зла”, трудно понять и объяснить хорошо известный социологам феномен ностальгии россиян по “той”, сравнительно недавней, жизни, которая, конечно же, не баловала их яркими впечатлениями, но давала чувство надежности и уверенности в завтрашнем дне.

Нельзя отрицать, что независимо от официальной пропаганды и во многом вопреки ей образ Европы действительно служил для значительной части населения СССР важным ориентиром. Образованные горожане хорошо знали и об итальянском неореализме, и о творчестве французских режиссеров “новой волны”, люди выстаивали длинные очереди, чтобы достать билеты на гастрольные спектакли Королевского балета Великобритании или первую Неделю французского кино, слушали магнитофонные записи “Битлз”, смотрели телевизионные трансляции вокальных конкурсов в Сан-Ремо, читали журнал “Иностранная литература”, знакомивший с переводами значимых произведений современных европейских писателей. В известной мере случалось и личное общение с иностранцами.

Благодаря кино и другим видам массового искусства некоторые субкультуры в СССР, начиная с конца 1950-х гг., формировались под сильным влиянием западных веяний (особенно ярко это проявилось в молодежной среде). Здесь люди находили источник регулирующих повседневную жизнь социокультурных норм и образов повседневного стиля, которым хотелось подражать. В какой-то мере Европа и Запад в целом воспринимались эстетически, хотя эта эстетика тесно переплеталась с политическим фрондированием, была как бы его скрытым, сублимированным обозначением, правда, в большинстве случаев не выходящим за границы лояльности. К началу 1960-х гг. идентификация “советский человек” в значительной мере потеряла свою привлекательность, по крайней мере – для молодого поколения. Более того, значительная часть молодежи все чаще стала вспоминать о своих национальных (этнических) корнях. Вместе с тем образованные жители больших городов ощущали себя европейцами и хотели быть ими. Пожалуй, единственная неприятная для россиян черта европейцев, о которой говорили в то время, – чрезмерная, по российским меркам, формализованность и расчетливость в личных контактах, недостаток того трудноопределяемого качества, которое в России называют “душевностью”.

Однако многое, на что 30–40 лет назад практически не обращали внимания, сегодня, в иной социально-исторической ситуации, вдруг становится более заметным и все более важным. Это прежде всего существенно иная, чем в западных обществах, иерархия ценностей, причем не официальных, “идеологических”, а тех, которыми “обычный” человек реально руководствуется в повседневной жизни и в определении стратегий личностной самореализации. В частности, обращает на себя внимание приверженность наших сограждан ценностям культуры и образования, некий “идеализм” их устремлений. Так, по данным социологических исследований 1970–1980-х гг., советские женщины значительно чаще, чем, например, американки, отмечали среди качеств, которые они хотели бы видеть в своих детях, стремление к знаниям и хорошие успехи в учебе. В СССР это вторая ранговая позиция в списке приоритетов, в США – десятая [Советский... 1993, с. 98–100]. К сожалению, нет соответствующих данных по Европе. Можно предположить, что они могут быть несколько иными, чем американские. Однако социологические исследования, проводившиеся в 1999–2000 гг. практически параллельно в Германии и России, показали, что и спустя почти 10 лет после демонтажа советского строя и создания системы, в которой жизненный успех

Восприятие некоторых понятий, связанных с интеллектуальной деятельностью, в России и Германии (в%)

Понятия	В России (2000 г.)		В Германии (1999 г.)	
	Относятся с симпатией	Относятся с антипатией	Относятся с симпатией	Относятся с антипатией
Учение	96,2	3,8	75,0	21,0
Интеллектуальность	84,4	15,6	33,0	51,0
Наука	96,5	3,5	81,0	8,0
Разум	97,8	2,2	88,0	7,0

Источник [Андреев, 2008, с. 280].

очень слабо связан (если вообще связан) с уровнем образованности, квалификации и культуры, в российском менталитете сохранилась характерная смысловая маркированность всего ряда понятий, относящихся к познанию, образованию и духовной жизни вообще, причем восприятие таких понятий в российской культурно-психологической среде оказалось более позитивным, чем, например, в немецкой (см. табл. 1).

Сопоставление этих данных с социальным поведением россиян наталкивает на размышления по поводу социальных характеристик российского социума и специфических особенностей его развития. Вообще, формирование только что описанной ценностной ориентации нельзя считать “заслугой советской власти”, как это часто преподносилось в прошлом партийной пропагандой. Начало данного процесса восходит еще к 80-м гг. XIX в., когда стремление учиться (и выучиться) охватывало все низовые слои населения, причем не только в городе, но и в деревне. В то же время было бы, конечно, наивно отрицать, что кульминация процесса пришлась именно на советское время, а проводимая в СССР социальная политика способствовала исключительно быстрому прогрессу как в образовании и образованности, так и в науке. Следует обратить внимание и на то, что приблизительно к концу 50-х гг. XX в. стала складываться перспективная социетальная форма “общества образования” [Андреев, 2011], и в этом плане Советский Союз на 30–40 лет опережал ведущие страны Западной Европы, где созвучный социальный проект (“общество знаний”) возник уже ближе к концу столетия.

Влияние ценностей “общества образования” на россиян в целом очень велико. Правда, интенсивность и характер этого влияния довольно сильно варьируют во времени. Неолиберальная волна, под знаком которой началось становление постсоветского общества, практически везде, где она возникла, способствовала безоговорочно подчинению просветительских приоритетов рыночным, что не раз вызывало серьезное недовольство, а порой и открытый социальный протест в целом ряде европейских стран (Франции, Германии, Италии). Но в России ее воздействие оказалось наиболее разрушительным. И дело не только в том, что на какой-то период институты образования, науки и культуры практически перестали финансироваться, но и в реструктурировании массового сознания вследствие массивной популяризации потребительски-гедонистических установок. Очень важный для российской традиции принцип самоценности духовной жизни был существенно поколеблен, в особенности в глазах вступающего в жизнь поколения.

Однако уже в середине 1990-х гг. в результате разочарований, порожденных негативными последствиями реформ, ценностная ориентация массового сознания начала меняться. Доминирующей тенденцией стало возвращение от западнических увлечений к аутентичному российскому опыту, к собственным традициям и “исконно российским” представлениям. Произошло частичное восстановление многих поколебленных рыночными реформами идеациональных ценностных установок, устойчиво

характеризующих российский (русский) менталитет на длительных (многовековых) отрезках исторического времени¹.

Проводившиеся российскими учеными исследования, посвященные анализу глубинных структур общественного сознания, позволяют достаточно четко выявить системообразующее ядро данного процесса. Обращает на себя внимание, в частности, актуализация в этом контексте смысловых ценностей православно-христианского происхождения, утверждающих превосходство духовных начал над внешним устройством жизни и приобретением разнообразных материальных благ.

Очень показательны в этой связи ответы россиян на вопросы, задающие ситуацию выбора между различными жизненными мотивами. Например, между чувством согласия с самим собой и властью, влиянием, доминированием. Начало постсоветской эпохи характеризуется явным наступлением агрессивно-прагматического отношения к жизни. Так, доля респондентов, ориентированных на первую из указанных альтернатив, на протяжении всей первой фазы рыночных реформ устойчиво сокращалась, причем достаточно быстрыми темпами – до 10% в год. К 1994 г. она упала ниже отметки 75%. Однако на следующий год была зафиксирована обратная тенденция, которая вначале носила неустойчивый характер (новое падение в 1997 г.), но начиная с 1999 г. стабилизировалась до 90%, практически приобретая значение константы.

Одна из характерных черт российского менталитета, которую важно учитывать при анализе креативного потенциала общества и его мотивации на интеллектуальные виды деятельности, – склонность ставить интерес к работе выше того, сколько за нее платят. Не подлежит сомнению, что широкая распространенность ориентаций этого типа стала одной из причин, по которым российское образование и российская наука, хотя и не без потерь, но все же устояли в ситуации экономического обвала и хронического недофинансирования. В этом вопросе настроения россиян демонстрируют в принципе ту же динамику противоположно направленных “материалистических” и “идеалистических” мотиваций, с той только разницей, что в целом она выглядит более сглаженной.

Конкретные механизмы и факторы, вызвавшие к жизни описанные тенденции, – предмет особого разговора. Ясно, однако, что понять их природу нельзя вне анализа специфических особенностей российского социума и форм его спонтанной самоорганизации, в ходе которой выстраиваются в определенную сложную композицию ценностные ориентиры, коммуникативные каналы, поведенческие стратегии, эталоны самореализации, способы структурирования социального пространства по осям “свое–чужое”, “значимое–незначимое”, “должное–недолжное” и др.

С точки зрения понимания механизмов этих сложных процессов обращает на себя внимание исключительно важная роль семьи, которая в 1990-е гг. оказалась главным фактором устойчивости и ячейкой социальной солидарности в стремительно рассыпающемся социуме с неопределенной траекторией движения. По данным социально-психологических исследований Центра социологии образования Российской академии образования (1991, 1993–1994 гг.), семья – ядро социальной сети современного российского подростка, ее члены занимают все верхние позиции в списке значимости (см. [Авдучевская, Баклушинский, 1995]). Это положение в значительной степени сохраняется и после окончания школы, во всяком случае – среди молодежи, продолжающей учиться. Конечно, в любом обществе семья относится к числу основополагающих жизненных факторов. Однако ее место в общей конфигурации социальных институтов и общностей неодинаково.

В момент крутого социально-исторического перелома именно семья как своего рода фокусирующая точка социума стала хранительницей и ретранслятором российского культурно-исторического опыта (что и придавало последнему особую эмоционально переживаемую аутентичность). А опыт этот содержит в себе специфическую социальную антропологию, для которой ведущим принципом является не столько пре-

¹ Судя по данным социологических опросов, идею российской самобытности в настоящее время поддерживают не менее двух третей россиян.

образование внешних предметных связей (как в западной культуре), сколько духовное самоустроение. В контексте этой установки происходила ревальвация образования, образованности, интеллектуального развития, которые вновь стали выдвигаться на центральное место в системе общественных ценностей.

Отвечая социологам на вопрос о том, что было самым большим достижением России (СССР) в XX в., россияне поставили на первое место ликвидацию неграмотности, введение массового высшего и среднего образования. Причем доля респондентов, поддержавших данную точку зрения (в целом по выборке – 45%), лишь незначительно варьировалась в зависимости от рода занятий, уровня образования, возраста и материальной обеспеченности. Таким образом, данный индикатор у нас имеет не столько социально-групповую природу, сколько отражает общие особенности национального менталитета. В то же время триада “прогресс отечественной науки и техники – наведение порядка – улучшение образования, рост числа образованных людей” рассматривается массовым сознанием как основной фактор развития России XXI в., значение которого многократно превосходит и более полное освоение природных ресурсов, и развитие демократии, и помощь более богатых стран (опрос проводился в феврале–марте 2000 г.).

Конечно, наряду с собственно ценностной ориентацией, имело место и непосредственное побуждение молодежи к образованию со стороны старших членов семьи. Наиболее явственно это проявляется в среде интеллигенции. Однако и в рабочих семьях почти 40% опрошенных хотели бы видеть своих детей специалистами с высшим образованием или даже с ученой степенью. Но самое интересное, что данная перспектива оказалась наиболее привлекательной и для предпринимателей: желающих увидеть своих детей руководителями фирм или менеджерами оказалось примерно вдвое меньше, чем сторонников “интеллектуальной” карьеры (см. [Шереги, 2001, с. 209]).

Запрос на образование и образованность и сегодня недостаточно подкрепляется “рыночными стимулами”, поскольку шкала зарплат по-прежнему отрегулирована в первую очередь на расширенное воспроизводство среднего офисного персонала, обладающего лишь ограниченной функциональной компетентностью и навыками формализованного делового общения. Однако, вопреки этому, доминирующая социокультурная ориентация, воплотившаяся в “мнение семьи”, в известной мере уравновесила данный фактор.

Аналогичные тенденции выявили и исследования, проводившиеся при участии автора этих строк в Российском независимом институте социальных и национальных проблем, Институте комплексных социальных исследований и Институте социологии РАН на базе всероссийских социологических опросов. Значительное большинство россиян считают, что главное в воспитании детей сегодня – именно хорошее образование. Такую точку зрения весной 2000 г. выразили около 65% опрошенных, весной 2003 г. – почти 69%, летом 2006 г. – около 71%. На втором месте с довольно значительным отрывом оказалось воспитание таких качеств, как мужество и стойкость, дисциплина и самоорганизованность, а также честность и доброта (от 30 до 36% опрошенных). Что же касается формирования так называемой “деловой хватки”, то по своей значимости эта позиция вышла в 2000 г. только на седьмое, в 2003 г. – на пятое и в 2006 г. – вновь на седьмое место, собрав в свою пользу соответственно 16, 22 и 19% голосов.

Данные сравнительных исследований, как историко-культурологического, так и социологического плана, показывают, что на территории Европы просматриваются по крайней мере несколько накладывающихся друг на друга культурных границ – между западной и восточной частью континента, между странами и народами, принадлежавшими в прошлом к католическому миру и не принадлежавшими к нему (или порвавшими с ним в результате Реформации), между романскими, германскими и славянскими культурными семьями, и др. Место России в этом ряду достаточно своеобразно. По некоторым характеристикам она относится к “естественному” для себя восточно-европейскому типу, но по другим может напоминать и Западную Европу; какими-то своими особенностями она похожа на другие славянские страны, но в то же время во

многим и отличается от них; в чем-то она сближается со странами католической, а в чем-то – со странами протестантской культуры.

В то же время у России есть своеобразные и даже уникальные черты, которыми она отличается от всех остальных стран Европы. У россиян зафиксирован очень высокий уровень положительных эмоциональных реакций на слово “будущее” (90%). Для сравнения: в динамично развивающейся и намного более благополучной Германии соответствующий показатель составил только 82% (Российский независимый институт социальных и национальных проблем, Институт демоскопии в Алленсбахе, 1999–2000). Если в Германии, по данным World Value Survey (WVS), на рубеже прошлого и нынешнего столетий только четверть опрошенных верили в то, что человечество ожидает блестящее будущее, а остальные три четверти полагали, что оно будет безрадостным, то в России в это же время доля оптимистов была почти наполовину выше, а доля пессимистов – примерно на треть ниже.

Своеобразно россияне понимают и ряд базовых ценностей, которые принято считать “европейскими”. Это относится к пониманию ими свободы. Как показывают данные многолетних социологических замеров, большинство россиян считают свободой одной из главных ценностей, без которой жизнь потеряла бы смысл, даже ставят ее выше материального благополучия (см. [Двадцать... 2011, с. 153]). Однако только около трети из них воспринимают свободу “по-европейски”, связывая ее реализацию с политическими правами и свободами, а почти две трети ощущают ее как “волю”, то есть возможность быть самому себе хозяином (Институт социологии РАН, 2011).

Результаты зондирования массового сознания и просто жизненные наблюдения не оставляют сомнений в том, что россияне, как и все остальные европейцы, не видят никаких разумных альтернатив демократическому устройству общества. Однако всегда ли демократические идеалы совпадают с действительностью? В общем и целом по 15 странам Евросоюза доля граждан, удовлетворенных тем, как в их государствах “работает” демократия, примерно равна доле недовольных (соответственно, 41 и 40%, данные Евробарометра, 2004). Но это в среднем. Если же говорить конкретнее, то в некоторых странах (Испании, Ирландии, Португалии и ряде других) уровень удовлетворенности значительно выше, а в некоторых (Швеции, Великобритании, Дании, Финляндии) – значительно ниже среднего уровня. Россия в этом плане также относится к числу недовольных, и более того – по уровню удовлетворенности существующей демократией она занимает в Европе *последнее* место. Если, к примеру, доля удовлетворенных тем, как “работает” демократия, россиян (28%) примерно равна доле выразивших то же мнение шведов (также 28%), британцев (31%) или датчан (32%), то процент недовольных в России значительно выше (72% против 57% в Швеции, 37% в Великобритании, 60% в Дании).

Дело не только в чисто количественных показателях. Объяснить, почему шведы или датчане более критично оценивают свою модель демократии, чем испанцы, ирландцы, португальцы (а также французы, итальянцы, голландцы, греки, немцы), можно, вероятно, лишь чисто субъективными причинами. Ибо вряд ли есть какие-то основания утверждать, что политический строй в этих Скандинавских странах “хуже”, чем в других государствах Европы. Что касается России, то здесь ведущую роль играют объективные факторы недовольства системой. Хотя формально российская политическая модель – вариант общепринятой нормы, она функционирует в совершенно ином социальном контексте, который определяется олигархическо-бюрократическим характером российского неокapитализма. Как результат, многие россияне выражают не просто недовольство ее функционированием, но и *разочарование в демократии вообще*. Такое отношение в 1995 г. высказывали примерно две трети россиян, в 1997 г. – более 70%, в 2001 г. – около 62% [Двадцать... 2011, с. 185].

На первое место среди претензий, которые граждане России предъявляют своему “политическому классу”, в последнее время вышли злоупотребление технологиями манипулирования и нарушения, связанные с попытками административного воздействия на работу избирательных комиссий и подсчет голосов. Об этом пишут и в мировых СМИ. Однако отсюда вовсе не следует, будто россияне всецело разделяют позиции

западных критиков. Их возмущает многое из того, мимо чего безучастно проходят западные комментаторы, и наоборот, не слишком волнуют некоторые темы, которые для Запада приобрели сакральное значение и не раз служили поводом для обвинений России и российской власти в отступлении от демократических норм и стандартов.

В российском социуме сложились собственные представления о демократии, критерии, по которым следует судить о демократичности или недемократичности общественного строя, и эти критерии далеко не во всем совпадают с той моделью, которую на Западе считают “само собой разумеющейся”: правда, не столько на основе аналитической рефлексии (последняя как раз показывает определенную противоречивость демократического идеала и сложности его согласования с политической практикой), сколько “по умолчанию”. Россияне солидарны с европейским общественным мнением в том, что каждый человек имеет право свободно выражать и отстаивать свою точку зрения. Они вполне разделяют и тот постулат, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции, и были бы абсолютно против ее запрета. Вместе с тем главную функцию оппозиции они видят не в критике правительства, а в оказании ему помощи в работе. В России это мнение высказывают 60% вполне “продвинутых” представителей городского среднего класса (см. [Горшков, 2011, с. 238]).

Данные многолетних социологических опросов показывают, что для россиян не слишком важны такие стандартные признаки “свободного общества”, как легальная возможность создания политических объединений и союзов, многопартийность, религиозные и интеллектуальные свободы, право на предпринимательскую деятельность, частную собственность и забастовки, отсутствие ограничений на передвижение, в том числе за пределы страны, и т.п. (эти позиции в качестве приоритетных выбирают от 7–8 до 15–17% опрошенных). Демократия для них – прежде всего социальное понятие, и потому большинство россиян считают главными ее критериями реальное право на труд, жилище, охрану здоровья, пенсии и пособия по болезни, а также получение образования (эти позиции называют как самые важные признаки демократии от 40 до 70% и более опрошенных).

Отсюда совершенно определенный взгляд на государство. Он противоположен западной либеральной модели, рассматривающей его лишь как арбитра, следящего за соблюдением “правил игры”. В отличие от этого, в российской ментальности государство представляется как своего рода “общее дело”, и логика его функционирования мыслится по аналогии с кооперативом или артелью (в некоторых своих статьях, опубликованных в 1990-е гг., я даже предлагал в этой связи особый термин – “артельное государство”). По мнению большинства россиян, государство призвано отстаивать интересы всего народа (а не отдельных личностей). Оно должно обеспечить своим гражданам определенный гарантированный минимум, тот же, кто хочет большего, должен добиваться всего сам. При этом россияне – вовсе не поборники уравнительного распределения благ, какими их часто представляет либеральная публицистика (пресловутое “отнять и поделить”). Если судить по данным социологических опросов, то сторонниками уравнивания доходов оказываются менее половины российских респондентов (Институт социологии РАН, 2007). Это примерно столько же, сколько в Великобритании, и меньше, чем в Германии (по данным проведенного в 1997 г. опроса WVS – 59%).

Экономической основой общенародной политической общности, согласно представлениям подавляющего большинства (до 84%) россиян, должна быть коллективная собственность на недра и другие природные богатства страны, которая принципиально не может передаваться в частные руки (см. [Двадцать... 2011, с. 172, 175]). Кроме того, государство должно активно регулировать и экономику в целом. Если в Великобритании и Германии примерно двое из каждых трех респондентов выступают за увеличение роли частного бизнеса и лишь около четверти считают желательным расширение государственного сектора (WVS, 1997, 1999), то в России наоборот, три четверти граждан хотели бы усиления государственной экономики (Институт социологии РАН, 2007). Создается впечатление, что своего рода идеал для россиян – экономическая модель нэпа: “командные высоты” в виде крупнейших системообразующих предприятий, энергетики, транспорта, системы здравоохранения и высшего образова-

ния должны быть в руках государства, тогда как легкая и пищевая промышленность, сервис, торговля, отдельные учреждения образования и культуры сельское хозяйство лучше передоверить частной инициативе [Двадцать... 2011, с. 177]. Однако государственная монополия на информацию при этом отвергается: ту точку зрения, что государству должны принадлежать также газеты и телевидение, поддерживают не более трети российских граждан.

Нельзя согласиться с довольно часто высказываемыми сетованиями на то, что в России отсутствует гражданское общество или что у него нет прочных исторических корней². Отличие российской модели от общеевропейской определяется не наличием (или отсутствием) гражданского общества как такового, а устойчивым воспроизводством в России совершенно особого режима “пульсирующей” гражданственности. Это означает, что структура гражданского общества в России (его, если можно так выразиться, “ризомы”) не стационарна. В определенных условиях, когда коллективное политическое действие становится невозможным или непродуктивным, она может “свертываться”.

Предмет большой озабоченности россиян и российского общества в целом – переход к инновационному развитию. Это проявляется не только в речах высокопоставленных правительственных чиновников и в официозных публикациях, но и в общей направленности массового сознания. Исходя из данных проводившихся на протяжении двух десятилетий социологических опросов, я в свое время сделал и попытался обосновать вывод о том, что переход страны к инновационному развитию стал своего рода национальной целью, способной объединить (да и реально объединяющей) большинство россиян (см. [Андреев, 2011⁶]).

Другое дело, как должен осуществляться такой переход. Как и все люди на Земле, граждане России стремятся к благосостоянию, современному комфорту, повышению уровня жизни и процветанию. Однако, как показывают результаты многих исследований, для них важны не только цель, но и средства, не только чисто финансовый эквивалент процветания, но и его содержательная сторона. В этом плане их социальное мышление нельзя назвать чисто экономическим, оно включает в себя и определенное представление о самоуважении, основанное на достижениях и вместе с тем просветительских по своему генезису ценностях. Поэтому россиян очень волнует вопрос о специализации России в системе международного разделения труда, и отнюдь не только по соображениям материальной выгоды. Он затрагивает их представления о самих себе и в силу этого тесно связан с очень деликатной и тонкой проблематикой идентичности, а в конечном счете – с присущей национальному менталитету “картиной мира”. “Настоящая”, “успешная модернизация” в соответствии с представлениями россиян наступит, когда Россия сможет зарабатывать не на природных богатствах, инфраструктуре или выгодном геополитическом положении, а на производстве интеллектуального продукта. На этом респонденты неизменно настаивали во всех опросах, в ходе которых зондировалось их мнение по поводу возможных стратегий развития России.

Вместе с тем в подходах к этому кругу вопросов отчетливо проявляется одна из самых характерных черт российского менталитета – сочетание, даже переплетение интенсивных модернизационных устремлений с традиционализмом. Российское общество прямо-таки одержимо научно-техническим прогрессом, но при этом очень привержено традициям. Если, к примеру, в России уровень положительных эмоциональных реакций на слово “традиция” зафиксирован на уровне примерно 97%, то в Германии – 72% (Российский независимый институт социальных и национальных проблем, Институт демоскопии в Алленсбахе, 1999–2000).

Показательны некоторые данные социологических исследований середины 1990-х гг., когда Россия устремилась к рыночной экономике и переживала пик увлечения либеральными концепциями экономики и экономического роста. Имеются в виду, в частности, ответы респондентов на вопрос о том, что для них предпочтительнее – экономический рост и инновации или сохранение традиций. Большинство немецких респондентов уверенно выбрали первую альтернативу: 58% против 42%. В пользу тра-

² Обзор и анализ различных точек зрения на эту проблему см. [Горшков, 2011, с. 250–257].

диций в Германии настроена только одна социальная группа – находящийся у самого подножия социальной лестницы и уступающий по статусу даже рабочим так называемый низший класс. В России же картина оказалась совсем иной. Здесь экономический рост не воспринимался как самоцель, и приоритет отдавался сохранению традиций. Разрыв между уровнем поддержки названных альтернатив в России оказался существенно больше, чем в Германии: 27% против 73% (WVS, вторая волна опросов, 1999–2000). Как и везде, самые традиционалистские группы россиян – бедные и пожилые люди, а также жители малых поселений. Но молодые и состоятельные, как в небольших городках, так и в мегаполисах, также однозначно высказываются в пользу традиций, и при этом значительным большинством. Например, в самой младшей возрастной когорте (от 15 до 29 лет) традиционалистскую позицию поддержали не менее двух третей опрошенных (для сравнения: в возрастной когорте старше 50 лет – 80%), так что традиционализм для России – не просто некий рудимент прошлого, но позиция, которая будет воспроизводиться и в будущем.

Как и везде, главным оплот традиционализма в России – разумеется, семья. В любом обществе она относится к числу основополагающих жизненных факторов, однако ее место в общей конфигурации социальных институтов и общностей неодинаково. По наблюдениям социологов, в современной Европе семья и семейные ценности играют особенно важную роль в славянских странах, причем независимо от уровня и стартовых параметров их развития (см. [Коровицына, 2004, с. 145–146]). Особенно важно, что отношения в семье чаще, чем где бы то ни было, оцениваются в соответствии с некими абсолютными критериями, восходящими к библейским заповедям. Это в полной мере относится и к России. Сопоставим, например, мнения респондентов о том, какой должна быть любовь детей к родителям. В славянских странах – России и Польше подавляющее большинство опрошенных (89% россиян и 94% поляков) высказались за то, что родителей следует уважать и любить всегда, безотносительно к каким-либо обстоятельствам. В постхристианской, но исторически связанной преимущественно с католическими традициями Франции такую точку зрения поддержали только 74%, тогда как 26% присоединились к тезису о том, что сыновние и дочерние чувства к родителям уместны лишь тогда, когда последние “этого заслуживают”. В Германии же отношение к родителям оказалось еще более прагматичным и зависящим от ситуации: всегда любить родителей считают своим долгом 54% немцев, любить в зависимости от оценки их заслуг – 45%.

Один из самых наглядных индикаторов, характеризующих культурно-психологический “профиль” того или иного общества и позволяющих судить о том, чем оно похоже и чем отличается от других обществ, – суждения по поводу того, какие качества хотелось бы воспитать в детях. Ведь дети – завтрашний день любого общества, а представление о том, какие качества надо им прививать, можно рассматривать как своего рода проекцию настоящего в будущее. Именно здесь особенно ясно и отчетливо просматривается иерархия социетальных ценностей данного общества, а также сложившиеся в нем коллективные представления о должном и не должном. Соответствующие вопросы не раз задавались россиянам в ходе различных социологических исследований, в том числе в рамках сравнительного исследования WVS. Приведу некоторые полученные в рамках этого исследования данные, позволяющие сопоставить Россию с рядом европейских стран и США (см. табл. 2).

Обращает на себя внимание, что, сопоставляя выбор респондентов, представляющих разные страны, мы не обнаружим никаких специфических установок и ценностей, которые солидарно характеризовали бы Запад в противовес России. В то же время российская модель воспитания достаточно определенно выделяется на общем фоне своим своеобразием. В частности, Россия – единственное из ведущих государств Европы, в котором первое место среди 10 важнейших личностных качеств, которые родители хотели бы видеть в своих детях, устойчиво отводится такой традиционалистской ценности, как трудолюбие. По данным опросов WVS, проводившихся на рубеже XX и XXI столетий, это качество включили в число наиболее желательных 88%, а в

Мнения жителей разных стран о качествах, которые они считают важным прививать детям (в%)*

Качества	Россия (WVS, 1999–2001)	Россия (Институт социологии РАН, 2007)	Германия (WVS, 1999–2001)	Швеция (WVS, 1999–2001)	Великобритания (WVS, 1999–2001)	Франция (WVS, 1999–2001)	Польша (WVS, 1999–2001)	США (WVS, 1999–2001)
Трудолюбие	88	91	22	4	53	62	21	62
Независимость	43	52	69	69	38	37	38	60
Чувство ответственности	81	86	81	87	56	78	82	72
Воображение	15	29	28	41	41	26	21	30
Толерантность	68	64	70	92	83	87	85	80
Бережливость	52	64	40	30	32	42	53	23
Решительность, настойчивость	53	65	48	30	40	55	27	45
Религиозность	10	22	11	5	17	9	46	53
Отсутствие эгоизма	20	62	9	33	60	56	18	39
Послушание	37	12	14	12	47	41	38	32

* Респонденты могли выбрать до 5 из предложенных им 10 позиций. Затруднившиеся с ответом не указаны. Цифры округлены до целых значений.

2007 г. – 91% участвовавших в опросе россиян. Для сравнения: в славящейся добросовестным отношением к труду Германии такое же мнение высказали только четверть опрошенных, в Великобритании – несколько более трети (38%), а в Швеции... всего 4%(!). Что-то приближающееся к российскому взгляду на ценность трудолюбия можно найти, пожалуй, в США, где это качество хотели бы видеть в своих детях приблизительно 60% опрошенных.

В определенном смысле можно сказать, что Россия демонстрирует миру собственную модель пути в современность, которую, если угодно, можно назвать *традиционалистской модернизацией*. При этом российский традиционализм имеет довольно сложный состав, в котором собственно народные обычаи сочетаются, с одной стороны, с реминисценциями времен Российской империи, а с другой – с элементами советского прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеевская Е.П., Бакушинский С.А. Особенности социализации подростка в условиях быстрых социальных изменений // Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника. Труды по социологии образования. Т. 3. Вып. 4. М., 1995.

Андреев А.Л. К характеристике социально-исторического опыта России как “общества образования” // Высшее образование в России. 2011^а. № 12.

Андреев А. Российский менталитет в контексте модернизации // Экономическая теория в XXI веке: экономика модернизации. М., Ростов-н/Д., 2011^б.

Андреев А.Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М., 2008.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М., 2011.

Коровицына Н.В. Центральноевропейские славяне на пути к постмодерну // Социс. 2004. № 10.

Советский простой человек. М., 1993.

Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования. М., 2001.